

Э.ХЕМИНГУЭЙ

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

Часть первая

ГАРРИ МОРГАН

(Весна)

Глава первая

Представляете вы себе Гавану рано утром, когда под стенами домов еще спят бродяги и даже фургонов со льдом еще не видно у баров? Так вот, мы шли с пристани в «Жемчужину Сан-Франциско» выпить кофе, и на площади не спал только один нищий, он пил воду из фонтана. Но когда мы вошли в кафе и сели, там нас уже ожидали те трое.

Мы сели, и один из них подошел к нам.

– Ну? – сказал он.

– Не могу, – ответил я ему. – Рад бы помочь вам. Но я уже вчера сказал, что не могу.

– Назовите свою цену.

– Не в этом дело. Я не могу. Вот и все.

Двое других тоже подошли и смотрели на нас с огорчением. Они были славные молодые люди, и я был бы рад оказать им эту услугу.

– По тысяче с головы, – сказал тот, который хорошо говорил по-английски.

– Мне самому неприятно, – ответил я ему. – Но я вам по совести говорю: не могу.

– Потом, когда все здесь изменится, это вам сослужит службу.

– Знаю. Рад бы душой. Но не могу.

– Почему?

– Лодка меня кормит. Если я потеряю ее, я останусь без куска хлеба.

– За деньги можно купить другую лодку.

– Но не в тюрьме.

Они, должно быть, решили, что меня только нужно уговорить, потому что первый продолжал:

– Вы получите три тысячи долларов, и впоследствии это может сослужить вам службу. То, что тут сейчас, знаете, долго не продержится.

– Слушайте, – сказал я. – Мне совершенно все равно, кто у вас будет президентом. Но у меня правило: не перевозить в Штаты ничего такого, что может болтать.

– Вы хотите сказать, что мы будем болтать? – сказал один из тех, которые до сих пор молчали. Он сердился.

– Я сказал: ничего такого, что может болтать.

– Вы считаете нас *lenguas largas*?

– Нет.

– Вы знаете, что такое *lengua larga*?

– Да. Тот, у кого длинный язык.

– Вы знаете, как мы поступаем с такими?

– Не петушитесь, – сказал я. – Вы ко мне обратились. Я вам ничего не предлагал.

– Замолчи, Панчо, – сказал сердитому тот, что говорил первым.

– Он сказал, что мы будем болтать, – сказал Панчо.

– Слушайте, – сказал я. – Я вам говорил, что не берусь перевозить ничего такого, что может болтать. Ящики с вином не могут болтать. Четвертные бутылки не могут болтать. Есть еще многое, что не может болтать. Люди могут болтать.

– А китайцы не могут болтать? – сказал Панчо со злостью.

– Они могут болтать, но я их не понимаю, – ответил я ему.

– Значит, вы не хотите?

– Я вам уже вчера сказал. Я не могу.

– Но вы не станете болтать? – сказал Панчо. Он меня не понимал и оттого злился. Да, пожалуй, и оттого, что дело не выходило. Я ему даже не ответил.

– Вы-то сами не из *lenguas largas*? – спросил он все еще злобно.

– Кажется, нет.

– Это что такое? Угроза?

– Слушайте, – ответил я ему. – Охота вам петушиться в такую рань. Я уверен, что вы немало глоток перерезали. Но я еще даже кофе не пил.

– Так вы уверены, что я режу людям глотки?

– Нет, – сказал я. – И вообще мне на это наплевать. Разве нельзя говорить о деле и не беситься?

– Да, я взбешен, – ответил он. – Я вас убить готов.

– Тьфу, черт, – сказал я ему. – Да придержи ты язык.

– Ну, будет, Панчо, – сказал первый. Потом мне: – Очень жаль. Я бы хотел, чтоб вы перевезли нас.

– Мне тоже очень жаль. Но я не могу.

Все трое направились к двери, и я смотрел им вслед. Они были красивые молодые люди, хорошо одетые: все без шляп, поглядеть на них, так было похоже, будто у них денег хоть отбавляй. Послушать их, так, во всяком случае, было на то похоже; они и по-английски говорили, как говорят кубинцы из богатых.

Двое из них были, видно, братья, а третий, Панчо, чуть повыше ростом, но из той же породы. Знаете, статная фигура, хороший костюм, блестящие

волосы. Я подумал, что не такой уж он, верно, злой, как кажется. Он, верно, просто нервничает.

Как только они вышли из кафе и повернули направо, я увидел, что через площадь мчится к ним закрытая машина. Первым делом зазвенело оконное стекло, и пуля врезалась в пирамиду бутылок в правом углу витрины. Я услышал выстрелы, и – боп-боп-боп, вся пирамида разлетелась вдребезги.

Я прыгнул за стойку и видел все, выглядывая слева из-за края. Машина остановилась, и возле нее присели на корточках два человека. У одного был автомат Томпсона, а у другого магазинный дробовик с отпиленным стволом. Тот, что с автоматом, был негр. Другой был в белом шоферском пыльнике.

Один из кубинцев лежал на тротуаре ничком, как раз под разбитой витриной. Два других спрятались за фургон компании «Тропическое пиво», только что подъехавший со льдом к соседнему бару. Одна лошадь упала и билась в упряжи, другая неистово мотала головой.

Один из кубинцев выстрелил из-за фургона, и пуля отскочила, ударившись о тротуар. Негр с «томпсоном» пригнулся почти к самой земле и выпустил заряд под фургон, – и верно: за фургоном один упал, головой на тротуар. Он судорожно дергался, закрыв голову руками, и шофер выстрелил в него из дробовика, пока негр вставлял новую обойму. Заряд был основательный. По всему тротуару виднелись следы дробы, точно серебряные брызги.

Второй кубинец за ноги оттащил раненого под прикрытие фургона, и я увидел, как негр снова пригнулся к мостовой, чтобы выпустить еще заряд. Но тут вдруг мой друг Панчо стал огибать фургон с другой стороны, прячась за той лошадью, которая устояла на ногах. Он вышел из-за лошади, белый, как грязная простыня, и выстрелил в шофера из своего люгера, держа его обеими руками для большей устойчивости. Он, не останавливаясь, дважды выстрелил поперх головы негра и один раз ниже.

Он попал в шину, потому что я видел, как взвилась струя пыли, когда воздух стал выходить из камеры, и негр, подпустив его на десять шагов, выстрелил ему в живот из своего «томми», истратив, должно быть, последний заряд, потому что я видел, как он отбросил автомат, а друг Панчо с размаху сел на мостовую и потом повалился ничком. Он пытался

встать, все еще не выпуская из рук свой люгер, но не мог поднять головы, и тогда негр взял дробовик, который лежал у колеса машины, рядом с шофером, и снес ему половину черепа. Ай да негр.

Я живо глотнул из первой откупоренной бутылки, попавшейся мне на глаза, даже не разобрал, что в ней было. Вся эта история очень мне не понравилась. Я юркнул прямо из-за стойки в кухню и черным ходом выбрался на улицу. Я миновал площадь в обход, ни разу даже не оглянувшись на толпу, которая сбежалась к кафе, прошел через ворота и вышел на пристань прямо к лодке.

Тип, который зафрахтовал ее, был уже там и ждал. Я рассказал ему, что произошло.

– А где Эдди? – спросил Джонсон, этот самый тип, который нас зафрахтовал.

– Как началась стрельба, я его больше не видел.

– Может быть, он ранен?

– Какого черта! Я же вам говорил, выстрелы попали только в витрину. Это когда автомобиль их нагонял. Когда застрелили первого прямо под окном кафе. Они ехали вот под таким углом...

– Откуда вы это все так хорошо знаете? – спросил он.

– Я смотрел, – ответил я ему.

Тут, подняв голову, я увидел, что по пристани идет Эдди, еще более длинный и расхлябанный, чем всегда. Он ступал так, словно у него все суставы были развинчены.

– Вот он.

У Эдди вид был неважный. Он и всегда-то не слишком хорош по утрам, но сейчас у него вид был совсем неважный.

– Ты где был? – спросил я его.

– Лежал на полу.

– Вы видели? – спросил его Джонсон.

– Не говорите об этом, мистер Джонсон, – сказал ему Эдди. – Мне тошно даже вспоминать об этом.

– Выпить вам надо, – ответил Джонсон. Потом он сказал мне: – Ну как, выйдем сегодня?

– Зависит от вас.

– Какая будет погода?

– Такая же, как вчера. Может быть, даже лучше.

– Так давайте выйдем.

– Ладно, как только принесут наживку. Мы уже три недели возили этого молодчика на рыбную ловлю, и я пока не видел от него ни цента, кроме сотни долларов, которые он мне дал еще до переезда на Кубу, чтобы уплатить консулу, получить разрешение на выход из порта, запасти бензину и кой-какой еды. Мы уговорились по тридцать пять долларов в день, рыболовная снасть моя. Он ночевал в отеле и каждое утро приходил на пристань. Устроил мне это дело Эдди, так что пришлось и его взять с собой. Я платил ему четыре доллара в день.

– Мне надо запасти бензину, – сказал я Джонсону.

– Ну что ж.

– На это нужны деньги.

– Сколько?

– Галлон стоит двадцать восемь центов. Надо галлонов сорок, не меньше. Это будет одиннадцать двадцать.

Он вынул пятнадцать долларов.

– Может, остальные засчитаем за пиво и лед? – спросил я.

– Превосходно, – сказал он. – Пусть это идет в счет моего долга.

Я подумал, что три недели – срок не маленький, но если ему вообще можно верить, то не все ли равно, в конце концов. Конечно, лучше бы рассчитываться каждую неделю. Но мне случалось и месяц возить в долг и потом все получать сполна. Это была моя ошибка, но сначала я всегда соглашался ждать, на радостях, что случился клиент. Только последние дни я начал беспокоиться, но не стал ничего говорить, боясь, как бы он не рассердился. Если ему вообще можно верить, так чем дольше он будет ездить, тем лучше.

– Бутылку пива? – спросил он, вскрывая ящик,

– Нет, спасибо.

Тут как раз показался на пристани негр, который наживлял нам удочки, и я сказал Эдди, чтоб он приготовился отчаливать.

Негр с наживкой вошел в лодку, и мы отчалили и пошли к выходу из гавани, а негр стал насаживать макрелей на крючки: он вставлял им крючок в рот, пропускал его под жабрами, вспарывая бок, и, проткнув туловище насквозь, выводил крючок наружу, потом завязывал рот, прижав его к проволочному поводку, и накрепко привязывал крючок, так чтоб он не выскальзывал, и наживка двигалась плавно, не вертась.

Это был самый настоящий черный негр, подтянутый и мрачный, с голубым амулетом на шее под рубашкой и в старой соломенной шляпе. На лодке он больше всего любил спать и читать газеты. Но он был проворный и хорошо умел наживлять удочки.

– Разве вы сами не умеете наживлять, капитан? – спросил меня Джонсон.

– Умею, сэр.

– Зачем же вы берете негра?

– Когда пойдет крупная рыба, тогда увидите, – ответил я ему.

– А что?

– Негр делает это проворнее, чем я.

– А Эдди не может это делать?

– Нет, сэр.

– По-моему, это лишний расход. – Он платил негру доллар в день, и негр каждый вечер ходил танцевать румбу. Я видел, что его уже клонит ко сну.

– Без негра не обойтись, – сказал я.

Тем временем мы уже миновали смаки, стоявшие на якоре против Кабаньяс, и рыбачьи ялики, бросившие якорь, чтобы ловить рыбу с каменистого дна у форта Морро, и я повел лодку туда, где чернел Мексиканский залив. Эдди достал два больших поплавка, а негр наживил три удочки.

Гольфстрим подходил к самому мелководью, и когда мы приблизились, вода казалась почти фиолетовой в частых водоворотах. Дул легкий восточный ветер, и мы вспугнули много летучих рыб, знаете, таких больших, с черными крыльями: они когда взлетают – точь-в-точь самолет на картинке, изображающей трансатлантический перелет Линдберга.

Эти большие летучие рыбы – самый верный признак. Всюду, насколько хватало глаз, виднелись кучки тех желтоватых водорослей, которые показывают, что главное течение проходит на большой глубине; а впереди над стаей мелких тунцов кружились птицы. Видно было, как тунцы выпрыгивают из воды: маленькие, не больше двух-трех фунтов весу.

– Теперь можете закидывать, – сказал я Джонсону.

Он надел на себя пояс и закинул самую большую удочку с катушкой Гарди на шестьсот ярдов лесы в тридцать шесть нитей. Я оглянулся и увидел, что наживка спокойно плывет сзади, чуть покачиваясь на волнах, а оба поплавок подпрыгивают и ныряют. Мы шли с нужной скоростью, и я направил лодку к главной струе Гольфстрима.

– Укрепите удилице в гнезде у борта, – сказал я. – Тогда не так тяжело будет держать. Освободите тормоз, чтобы можно было отпустить лесу, когда клонет. Если рыба клонет при завинченном тормозе, она вас стащит

за борт.

Каждый день мне приходилось повторять ему это, но я не сердился. Из пятидесяти любителей, которых приходится возить, умеет ловить рыбу ну разве что один. Да и этот один чаще всего валяет дурака и непременно выбирает такую лесу, которая слишком слаба для настоящей рыбы.

– Ну как денек? – спросил Джонсон.

– Лучше не придумаешь, – ответил я ему. И верно, день выдался хороший.

Я передал штурвал негру и велел ему держать вдоль края Гольфстрима, на восток, а сам пошел к Джонсону, который сидел и смотрел, как его наживка покачивается на волнах.

– Может, мне закинуть вторую удочку? – спросил я его.

– Да нет, не стоит, – сказал он. – Я сам хочу и подсекать, и тянуть, и втаскивать свой улов.

– Хорошо, – сказал я. – Может, Эдди только закинет удочку, а как клюнет, он передаст ее вам, чтобы вы могли сами тянуть?

– Нет, – сказал он. – Пусть будет только одна удочка.

– Ладно.

Негр все еще разворачивался, и я посмотрел и увидел стаю летучих рыб, которая поднялась в воздух немного впереди лодки. Негр, видно, тоже ее заметил. Оглядываясь назад, я видел Гавану, красиво освещенную солнцем, и пароход, который выходил из порта со стороны Морро.

– Я думаю, сегодня вам что-нибудь удастся заполучить, мистер Джонсон, – сказал я ему.

– Пора бы, – сказал он. – Сколько времени мы уже плаваем?

– Сегодня три недели.

– Немалый срок для рыбной ловли.

– Такая уж это рыба, – ответил я ему. – Пока не пойдет, так ни одной нет. Но зато как пойдет, так ее прямо прорва. А пойти она должна. Если сегодня не пойдет, значит, никогда не пойдет. Луна теперь в самый раз. Течение хорошее, и поднимается хороший ветер.

– Мы видели несколько мелких в первый наш выход.

– Да, – сказал я. – Я так вам и говорил. Мелкая рыба разбредается и исчезает, а потом идет крупная.

– У вас, у лодочников, всегда одна и та же песня. Или слишком рано, или слишком поздно, или ветер неподходящий, или луна не годится. А деньги все равно берете.

– Как сказать, – ответил я ему. – Беда в том, что обычно так оно и бывает: или слишком рано, или слишком поздно, и ветер тоже чаще всего неподходящий. А когда выдается такой день, что все как нужно, так сидишь на берегу без клиентов.

– Но сегодня, по-вашему, хороший день?

– Как сказать, – ответил я ему. – Я сегодня уже много чего насмотрелся. Но я уверен, что вы наловите прорву рыбы.

– Будем надеяться, – сказал он.

Мы приготовились к лову. Эдди пошел на бак и улегся там.

Я стоял и следил, не мелькнет ли в воде хвост. Негр то и дело клевал носом, так что приходилось следить и за ним тоже. Бьюсь об заклад, он не терял времени ночью.

– Вам не трудно передать мне бутылку пива, капитан? – спросил Джонсон.

– Нет, сэр, – сказал я и запустил руку в лед, чтобы достать ему похолоднее.

– А вы не хотите? – спросил он.

– Нет, сэр, – сказал я. – Я подожду вечера. Я откупорил бутылку и уже протянул ему, как вдруг вижу, здоровенная бурая рыба, с мечом чуть не в

метр длиной, высунула голову из воды и бросилась на нашу макрель. Она казалась толщиной с бревно.

– Отпустите лесу! – заорал я.

– Она не клюнула, – сказал Джонсон.

– Тогда завинтите тормоз.

Она всплыла из самой глубины и промахнулась. Я знал, что она нырнет и возвратится.

– Теперь смотрите – как только она схватит наживку, сейчас же освобождайте лесу.

Тут я увидел, что она подплывает сзади, под водой. Видны были ее плавники, растопыренные, как красные крылья, и красные полосы по бурому туловищу. Она плыла, точно подводная лодка, и ее спинной плавник высунулся на поверхность, и видно было, как он рассекает воду. Потом она подплыла к самой наживке и тогда высунула меч и словно помахала им над поверхностью воды.

– Дайте ей схватить, – сказал я. Джонсон снял руку с катушки, и катушка завизжала, и огромная рыбина повернулась и ушла под воду, и было видно, как ее туловище блеснуло серебром, когда она изменила направление и быстро поплыла к берегу.

– Подвинтите чуть-чуть тормоз, – сказал я. – Но не слишком.

Он стал завинчивать тормоз.

– Только не слишком, – сказал я. Я увидел, как леса отклонилась в сторону. – Завинтите тормоз и тяните, – сказал я. – Нужно тянуть. Она непременно выпрыгнет.

Джонсон завинтил тормоз и снова взялся за удилище.

– Дергайте, – сказал я ему. – Загоняйте крючок глубже. Дерните раз пять.

Он дернул довольно сильно еще раза два, и потом удочка согнулась вдвое, и

катушка заскрипела, и вот она выпрыгнула, – гоп! – длинная и прямая, сверкнув серебром на солнце, и снова нырнула с таким всплеском, словно лошадь сорвалась со скалы.

– Отпустите тормоз, – сказал я ему.

– Она ушла, – сказал Джонсон.

– Какого черта, – ответил я ему. – Живо отпустите тормоз.

Я увидел, как прогибается леса, и когда рыба выпрыгнула опять, она была уже за кормой и плыла в открытое море. Потом она показалась еще раз и взбила вокруг себя пену, и я увидел, что крючок зацепил ее за угол рта. Полосы на ней были ясно видны. Это была великолепная меч-рыба, вся серебряная, в красных полосах, и толщиной с бревно.

– Ушла, – сказал Джонсон. Леса свободно повисла.

– Сматывайте, сматывайте, – сказал я. – Крючок вошел крепко. Давай полный ход! – заорал я на негра.

Потом она выпрыгнула еще раз и другой, прямая, как столб, всем туловищем кидаясь прямо на нас и при падении высоко разбрызгивая воду. Леса туго натянулась, и я увидел, что она плывет опять к берегу, и видно было, как она поворачивает.

– Вот теперь начнется гонка, – сказал я. – Если она станет рваться, я наддам ходу. Держите тормоз совсем свободно. Леса на катушке еще много.

Наша рыбина поплыла на северо-запад, как полагается всякой крупной рыбе, и, ух ты, до чего же она рвалась! Она стала прыгать большими скачками и всякий раз ныряла, рассекая воду с таким всплеском, точно быстроходная лодка при большой волне. Мы шли за ней. Я стоял у штурвала и не переставал орать на Джонсона, чтобы он свободно держал тормоз и сматывал побыстрее. Вдруг я увидел, что его удочка подскочила и леса повисла. Кто не понимает, не заметил бы этого, потому что леса своей тяжестью все-таки тянула удочку. Но я-то понимаю.

– Ушла, – сказал я ему. Рыба все еще прыгала и продолжала прыгать, пока не скрылась из виду. Это была в самом деле великолепная рыба.

– Но я чувствую, как она тянет, – сказал Джонсон.

– Это тяжесть леса.

– Сильно тянет. Может быть, она издохла?

– Посмотрите, – сказал я. – Вон она прыгает. – В полумиле от нас было видно, как она фонтаном разбрасывала вокруг себя воду.

Я тронул тормоз его катушки. Он был завинчен до отказа. Леса не сматывалась. Она должна была лопнуть.

– Разве я вам не говорил, чтобы вы держали тормоз свободно?

– Но она все тянула.

– Ну и что же?

– Ну и я завинтил тормоз.

– Слушайте, – сказал я. – Если не отпускать лесу, когда рыба так рвется, леса непременно лопнет. Нет такой леса, которая могла бы выдержать. Раз рыба требует, нужно отпускать. Тормоз нужно держать совсем свободно. Иначе такую рыбу не удержать даже гарпунной веревкой. А наше дело не отставать от нее, пока не кончится гонка, чтобы она не смотала всю лесу. А когда кончится гонка и она уйдет на дно, тогда можно завинтить тормоз и выбирать лесу.

– Значит, если б леса не лопнула, я бы поймал ее?

– Могли бы поймать.

– Она же не может прыгать так без конца.

– Она еще не то может. Только когда кончится гонка, начинается самая борьба.

– Ну давайте поймаем другую, – сказал он.

– Раньше надо выбрать лесу, – ответил я ему. Мы успели зацепить и упустить рыбу, а Эдди все спал. Теперь только Эдди пришел на корму.

– Что случилось? – спросил он.

Эдди был когда-то хорошим матросом, пока не спился, но теперь он никуда не годится. Он стоял передо мной, длинный, вислогубый, со впалыми щеками, с беловатыми сгустками в углах глаз, с выгоревшими на солнце волосами. Я знал, что ему до смерти хочется опохмелиться.

– Возьми выпей пива, – сказал я ему. Он вытащил из ящика бутылку и выпил.

– Что ж, мистер Джонсон, – сказал он. – Я, пожалуй, еще вздремну. Очень вам благодарен за пиво, сэр. – Ай да Эдди. Рыба его нимало не интересовала.

А около полудня мы подцепили еще одну, но она ушла. Видно было, как крючок взлетел футов на тридцать, когда она выбросила его.

– Опять я что-нибудь не так сделал? – спросил Джонсон.

– Нет, – сказал я. – Просто она выбросила крючок.

– Мистер Джонсон, – сказал Эдди, который тем временем проснулся, чтобы выпить еще бутылку пива, – мистер Джонсон, вам просто не везет. Может, вам везет в любви. Погуляем с вами вечером, мистер Джонсон? – Затем он снова пошел на бак и улегся.

Часов около четырех, на обратном пути, когда мы шли совсем близко к берегу и против течения, – оно бурлило, как в мельничном лотке, а солнце светило нам в спину, – у Джонсона клюнула такая большая черная меч-рыба, какой я никогда не видал. Мы поймали четырех маленьких тунцов, и негр насадил одного из них на крючок Джонсона. Это была неплохая наживка, только очень громко плескалась за кормой.

Джонсон снял с себя пояс и положил удилище на колени – у него устали руки, оттого что он все время держал его на весу. Устав следить за лесой, которую оттягивала крупная наживка, он завинтил тормоз, когда я отвернулся. Я понятия не имел, что он его завинтил. Мне не нравилось, как он держит удилище, но неохота было все время ворчать на него. К тому же, когда тормоз открыт, леса сматывается, так что это не опасно. Но по-настоящему так рыбу не ловят.

Я стоял у штурвала и вел лодку вдоль главной струи к тому месту напротив старого цементного завода, где она опускается на большую глубину и образует невдалеке от берега что-то вроде воронки, и там всегда полно мелкой рыбы для наживки. Вдруг я увидел впереди фонтан брызг, как от бомбы, и меч, и глаз, и раскрытую пасть, и огромную красно-черную голову черной меч-рыбы. Ее спинной плавник весь торчал над водой, высотой чуть не с оснащенное судно, и хвост тоже весь высунулся из воды, когда она бросилась на нашего тунца. Меч у нее был толщиной с бейсбольную битку и скошен кверху, и, когда она схватила наживку, поверхность океана широко раздалась перед ней. Она была вся черная с красным, и каждый глаз у нее был с суповую чашку. Огромная была рыба. Бьюсь об заклад, она потянула бы тысячу фунтов.

Я заорал на Джонсона, чтоб он отпустил лесу: но прежде, чем я успел вымолвить слово, я увидел, как Джонсон взлетел на воздух, точно вздернутый подъемным краном, и еще секунду он держался за свое удилище, но удилище согнулось, как лук, а потом, распрямившись, ударило его толстым концом в живот, и вся снасть полетела за борт.

Тормоз был завинчен до отказа, и когда рыба дернула, Джонсона сорвало с сиденья, и он не мог удержать удочку. Удилище лежало у него на правом колене и толстым концом было подсунуто под левое. Если б он не снял пояса, его бы стащило в воду.

Я выключил мотор и пошел на корму. Он сидел и держался за живот, куда угодил конец удилища.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказал я.

– Что это было? – спросил он меня.

– Черная меч-рыба, – сказал я.

– Как это случилось?

– Вы лучше подсчитайте, – сказал я. – Катущка стоила мне двести пятьдесят долларов. Теперь такая стоит еще дороже. Удочка стоила сорок пять. Там было без малого шестьсот ярдов лесы в тридцать шесть нитей.

Тут Эдди хлопнул его по спине.

– Мистер Джонсон, – сказал он, – вам просто не везет. Первый раз в жизни вижу такое.

– Заткнись ты, пьянчуга, – сказал я ему.

– Нет, правда, мистер Джонсон, – сказал Эдди. – В жизни не видел ничего подобного.

– Что бы со мной было, если б меня потащила такая рыбина, – сказал Джонсон.

– Вы же хотели все сделать сами, – ответил я. Я был зол как черт.

– Очень они большие, – сказал Джонсон. – Это уже не удовольствие, а мученье.

– Да, – сказал я. – Такая рыба могла бы убить вас.

– Но ведь ловят же их.

– Ловит тот, кто умеет. Но вы не думайте, всякому приходится мучиться.

– Я видел фотографию девушки, которая поймала такую.

– Как же, – сказал я. – Только не живьем. Рыба проглотила наживку, и у нее вырвался желудок, тогда она всплыла на поверхность и издохла. А я говорю про ловлю волоком, когда крючок только зацепляет за губу.

– Ну, – сказал Джонсон, – уж очень они большие. Раз это не весело, зачем это делать?

– Вот именно, мистер Джонсон, – сказал Эдди. – Раз это не весело, зачем это делать? Слушайте, мистер Джонсон, вы попали не в бровь, а прямо в глаз. Раз это не весело – зачем это делать?

Мне все еще мерещилась эта рыба и было здорово досадно из-за снасти, и я их не слушал. Я велел негру повернуть на Морро. Я ничего не говорил им, и они мирно сидели, Эдди на одном стуле, с бутылкой пива в руках, а Джонсон на другом.

– Капитан, – сказал он немного спустя, – не приготовите ли вы мне хайболл¹?

Я приготовил, не говоря ни слова, а потом налил себе чистого. Я думал о том, как вот этот самый Джонсон третью неделю ездит на рыбную ловлю, подцепил наконец рыбу, за которую настоящий рыбак отдал бы год жизни, упустил ее, упустил мою снасть, разыграл дурака, а теперь сидит как ни в чем не бывало и распивает коктейли с пьянчугой-матросом.

Когда мы причалили и негр остановился в ожидании, я спросил:

– Ну, как завтра?

– Едва ли, – сказал Джонсон. – С меня, пожалуй, такой ловли хватит.

– Хотите сейчас расплатиться с негром?

– Сколько я ему должен?

– Доллар. Можете прибавить на чай, если хотите. И Джонсон дал негру доллар и две кубинских монетки по двадцать центов.

– Это за что? – спросил меня негр, показывая монеты.

– На чай, – сказал я ему. – Ты больше не нужен, Это он тебе подарил.

– Завтра не приходить?

– Нет.

Негр берет клубок бечевки, которой он привязывал наживку, берет свои темные очки, надевает свою соломенную шляпу и уходит, не прощаясь. Этот негр всегда был невысокого мнения обо всех нас.

– Когда вы думаете рассчитаться, мистер Джонсон? – спросил я его.

– Завтра утром я пойду в банк, – сказал Джонсон. – Мы можем рассчитаться после обеда.

– Вы знаете, сколько всего дней?

– Пятнадцать.

– Нет. С сегодняшним шестнадцать, и по одному дню на переезд, туда и обратно, значит, восемнадцать. Потом еще сегодня удочка, и катушка, и леса.

– Снасть – это уже ваш риск.

– Нет, сэр. Ведь вы ее упустили.

– Я каждый день плачу за прокат. Это ваш риск.

– Нет, сэр, – сказал я. – Если б это рыба сломала удочку и не по вашей вине, тогда другое дело. Но вы сами по своей неловкости упустили всю снасть.

– Рыба вырвала у меня удочку.

– Потому что вы не держали ее в гнезде и закрутили тормоз.

– Вы не имеете права взыскивать за это деньги.

– Если вы наняли автомобиль и разбили его о скалу, по-вашему, вы не должны платить за него?

– Если я сам в нем ехал – нет, – сказал Джонсон.

– Вот это ловко, мистер Джонсон, – сказал Эдди. – Понимаешь, капитан, а? Если б он в нем ехал, он бы убился насмерть. Вот ему и не пришлось бы платить. Ловко придумано.

Я не обратил на пьянчугу никакого внимания.

– Вы мне должны двести девяносто пять долларов за удочку, катушку и лесу, – сказал я Джонсону.

– Нет, это неправильно, – сказал он. – Но если уж вы так считаете, давайте поделим убыток пополам.

– Мне не купить новой снасти меньше чем за триста шестьдесят. Лесу я вам в счет не ставлю. Такая рыба, как эта, могла смотать всю лесу, и вашей вины бы тут не было. Случись здесь кто-нибудь, кроме этого пьянчуги, вам

бы подтвердили, что я с вас лишнего не спрашиваю. Конечно, может показаться, будто это деньги немалые, но ведь когда я покупал снасть, это тоже были немалые деньги. На такую рыбу нечего и выходить, если не с самой лучшей снастью, какая только есть в продаже.

– Мистер Джонсон, он говорит, что я пьянчуга. Может, оно и так. Но я должен сказать – он прав. Он прав и рассуждает справедливо, – сказал ему Эдди.

– Не будем спорить, – сказал наконец Джонсон. – Я заплачу, хоть я и не согласен с вами. Значит, восемнадцать дней по тридцать пять долларов и еще двести девяносто пять.

– Сотню вы мне дали, – сказал я ему. – Я дам вам список всех своих покупок и вычту, что там еще осталось из еды. Из того, что вы покупали на дорогу туда и обратно.

– Это справедливо, – сказал Джонсон.

– Слушайте, мистер Джонсон, – сказал Эдди. – Если б вы знали, как тут всегда дерут с иностранцев, вы бы сами сказали, что это больше чем справедливо. Знаете, что я вам скажу? Это просто удивительно. Капитан поступает с вами так, как будто вы его родная мамаша.

– Завтра я схожу в банк и после обеда приду сюда. А с послезавтрашним пароходом я уеду.

– Вы можете вернуться с нами на лодке и сэкономить плату за проезд.

– Нет, – сказал он. – Пароходом я сэкономлю время.

– Ладно, – сказал я. – Может, выпьем?

– Отлично, – сказал Джонсон. – Значит, никто не в обиде?

– Никто, сэр, – ответил я. И вот мы уселись втроем на корме и вместе выпили по хайболлу.

На следующий день я все утро провозился с лодкой, менял масло, приводил в порядок то, другое. В полдень я отправился в город и закусил в китайском

ресторанчике, где за сорок центов можно прилично позавтракать, а потом купил кое-какие подарки жене и нашим трем девочкам. Духи там, веера, три высоких испанских гребня. Покончив с этим, я завернул к Доновану, и выпил пива, и поболтал с хозяином, и потом пошел обратно на пристань Сан-Франциско, и по дороге еще два-три раза завернул выпить пива. В баре «Кунард» я угостил пивом Фрэнки и вернулся на лодку в самом лучшем расположении духа. Когда я вернулся на лодку, у меня оставалось ровно сорок центов. Фрэнки тоже пришел со мной, и пока мы сидели и дожидались Джонсона, мы с Фрэнки распили еще по бутылке холодного из ящика со льдом.

Эдди не показывался всю ночь и весь день, но я знал, что рано или поздно он явится, – как только ему перестанут давать в долг. Донован сказал мне, что накануне вечером они с Джонсоном заходили к нему ненадолго, и Эдди угощал в долг. Мы ждали, и я начал удивляться, почему это Джонсон не показывается. Я просил на пристани передать ему, если он придет раньше меня, чтобы он шел к лодке и там дожидался, но оказалось, что он не приходил. Я решил, что он вчера загулял и, должно быть, встал сегодня не раньше двенадцати. Банки открыты до половины четвертого. Мы видели, как ушел рейсовый самолет, и к половине шестого все мое хорошее настроение испарилось, и мне стало здорово не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)